

Лан Хуайцин ответил:

— Ничего страшного. Уважаемые господа могут спокойно отдыхать, а мне еще предстоит разобрать много лекарственных траворов, так что этой ночью мне вряд ли удастся уснуть. Однако на втором этаже моего скромного жилища есть еще один больной, так что, надеюсь, уважаемые господа отнесутся к этому с пониманием.

Услышав это, Вэнь Ланьшу бросил взгляд на деревянную лестницу, ведущую на второй этаж лавки. Там едва заметно мерцал огонек фонаря, но не доносилось ни звука — если бы Лан Хуайцин не подсказал, они бы и вправду не догадались, что наверху кто-то есть. И все же, когда трое путников вошли в лавку, находившийся наверху человек совершенно ничего не заметил: судя по всему, он уже крепко спал.

Вэнь Ланьшу вернулся к столу и, ухватившись за полу одежды, стряхнул дорожную пыль при свете свечи.

Заметив невозмутимый вид Лан Хуайцина — его красивое, утонченное лицо и густые брови, — он подумал, что тот совсем молод, на вид лет двадцати, но в выражении его бровей сквозила на редкость глубокая выдержка. Вэнь Ланьшу осторожно поинтересовался:

— Лекарь Лан... ваша деревня Наньпин... скажите, не знает ли лекарь, не происходило ли в последнее время в здешних краях каких-нибудь странных вещей?

Ишь ты, только пришли, а уже выведывают новости!

Услышав это, Лан Хуайцин на мгновение замер над своей работой, но тут же продолжил разбирать травы и негромко произвел:

— Полагаю, кроме того, что уже известно двоим господам, ничего другого здесь не происходило.

Прислонившись к стене с росписью, А Чжань окинул взглядом окрестности и словно бы невзначай пробормотал себе под нос:

— Призрачная Гуаньинь...

Стоило ему это произнести, как все трое на долгое время умолкли. Лан Хуайцин тоже прекратил работу. Вэнь Ланьшу внезапно вспомнил истории о том, как Призрачная Гуаньинь пожирает людей, навлекая беды и умерщвляя множество невинных. Вероятно, для любого жителя деревни Наньпин эта тема была под строжайшим запретом.

На то имелось две причины: во-первых, люди испытывали страх, а во-вторых, надеялись таким образом оградить себя от нечисти. Поедание людей Гуаньинь — вовсе не рядовое жестокое убийство; стоило лишь вспомнить изуродованное, но так и не убранное изваяние божества у входа в деревню, как становилось очевидно: местные жители эту Гуаньинь одновременно ненавидели и боялись.

Поразмыслив немного, Лан Хуайцин промолвил:

— Истории о Гуаньинь всегда предвещают дурное, а всё, о чем здесь можно говорить, уже давно разнеслось по миру. Думаю, то, что случилось в деревне Наньпин, уважаемым господам наверняка уже доводилось слышать. А о происхождении Гуаньинь... не стоит много говорить, это к несчастью.

Заметив его помрачневшее лицо и то, как свет свечи падает на его красивое лицо, придавая ему задумчивости, Вэнь Ланьшу подумал: раз уж это поедание людей столь жестоко и зловеще, без глубокого разбирательства тут явно не обойтись. Однако, будучи ночлежниками в чужом доме, расспрашивать дальше было неудобно. Он произвел:

— Ночь уже глубока, пусть лекарь Лан тоже поскорее отдохнет.

С этими словами он отвесил поклон и неторопливо направился в глубь комнаты. А Чжань бросил на него взгляд и последовал следом.

Пламя свечи в подсвечнике трепетало. Лан Хуайцин бросил взгляд на колышущуюся дверную занавеску и вновь принялся раскладывать лекарственные травы.

Комната оказалась предельно скромной, с минимальной обстановкой: стол да четыре табурета. На столе лежало несколько свитков с трактатами о целебных травах и стоял масляный светильник. У стены стояла кровать, в ногах которой аккуратно лежало сложенное тонкое одеяло, а на тумбочках по обе стороны от изголовья горел лишь одинокий свечной огонек.

Миновав стол и табуреты, Вэнь Ланьшу присел на краешек кровати и произвел:

— Кровать немаленькая, нам двоим лечь будет в самый раз, не тесно.

Подумав немного, он посмотрел на А Чжаня и продолжил:

— А Чжань, ты ведь упоминал на корабле Призрачного Чиновника Цяньлана... Что тебе о нем известно?

А Чжань вошел в комнату следом за Вэнь Ланьшу. Усевшись за стол, он подпер рукой щеку, поигрывая веером, и лениво произвел:

— Известно немного. Лишь то, что ходит в народе, разве что самую малость.

При мерцающем свете свечи их тени едва заметно колыхались. Вэнь Ланьшу, глядя на него, вдруг заметил на лице А Чжаня выражение глубокой задумчивости. Белые одежды с золотой вышивкой, алый воротник, казалось, излучали сияние в отблесках пламени; его манера держаться хоть и казалась слегка праздной, но при этом порождала какое-то непостижимое, ускользающее ощущение.

Глядя на него, Вэнь Ланьшу спросил:

— Я слышал, на границах Улин часто промышляют призрачные чиновники: они похищают души и забирают тела, а на телах всех пострадавших остаются пепельно-серые метки. Скажи... имеет ли это какое-то отношение к Призрачному Чиновнику Цяньлану?

Тот ответил всё тем же мягким голосом:

— Независимо от того, есть тут связь или нет, те, кто ступил на путь ереси, заведомо не могут быть добрыми людьми.

Услышав такие слова, Вэнь Ланьшу растерялся, не зная, что и ответить, и поинтересовался:

— А Чжань... неужели ты действительно так думаешь?

Услышав это, А Чжань внезапно повернулся к Вэнь Ланьшу. В его глазах играла улыбка, и он с легким лукавством спросил:

— А как считает братец Ланьшу?

— Я? — Вэнь Ланьшу на мгновение задумался, покачал головой и произвел:

— Я не знаю...

А Чжань при этом лишь обольстительно улыбнулся и произвел:

— Если этот Призрачный Чиновник Цяньлан творит всё ради любимого человека, как думает братец Ланьшу, способна ли подобная преданность тронуть сердце того, к кому он так привязан?

Вэнь Ланьшу встретился с ним взглядом. На губах собеседника играла улыбка, уголки рта были приподняты, а черные волосы еще сильнее оттеняли белизну кожи. Его наряд ярко сиял в свете свечи. А Чжань сам по себе был красив, но сейчас, озаренный отблесками пламени, выглядел необычайно хорош собой. А эта улыбка на губах придавала ему какое-то... невыразимое очарование.

На какое-то мгновение Вэнь Ланьшу даже растерялся. Он моргнул, отвел взгляд к масляному лампаднику и произвел:

— У каждого свои помыслы, а дела сердечные — вещь сложная, стороннему наблюдателю трудно судить о них, да и понять до конца невозможно.

Глядя на Вэнь Ланьшу, А Чжань произнес:

— Если это тот, кого я люблю, я отдам ему всё свое сердце и не усташусь даже смерти.

Услышав это, Вэнь Ланьшу снова посмотрел на А Чжаня и мысленно подумал, что с такой внешностью желающих завоевать его сердце наверняка наберется не меньше сотни. Тот все

еще легко улыбался, и при каждом движении губ были видны белые зубы.

Затем его изящные, белые пальцы при свете свечи медленно потянулись к одежде: он развязал пояс, сбросил верхнее белое халатное платье, оставшись лишь в алой нижней сорочке. Аккуратно сложив одежду на краю стола, он неторопливо направился к Вэнь Ланьшу.

Его тень падала на стену, тусклый золотистый свет озарял лицо, подчеркивая правильные черты и отбрасывая глубокие тени. Видя, как он медленно приближается, Вэнь Ланьшу вдруг почувствовал некую странность в атмосфере — не понимая, что тот задумал, он лишь замер, когда А Чжань подался вперед и легким дуновением погасил свечу у изголовья, мягко произрес:

— Давай отдохнем.

Едва пламя погасло, вокруг погрузилось во мрак. Вэнь Ланьшу на секунду растерялся, затем тихонько выдал «о», сбросил белые сапоги и лег спать.

Сон еще не успел окутать его, но стоило закрыть глаза, как в памяти тотчас всплыла сцена из Пруда Трупов Стены Духов.

Пейзаж внутри Пруда Трупов застыл неподвижно — лишь Вэнь Ланьшу и представшая перед ним алая призрачная тень, обратившаяся золотым лотосом.

Вэнь Ланьшу спросил:

— Это путь смертных людей. Прошли годы, ты — давно погибший дух, почему же ты столь долго задерживаешься здесь и не уходишь?

— Прошли сотни лет, но один мой старый друг погиб, и сердце томит меня поисками, не находя покоя ни днем, ни ночью.

Старый друг?

— Кто этот старый друг? — спросил Вэнь Ланьшу.

— Воин из города Цзиньлин Юэцзы, гордость небес, Божественный Наместник Бэймин, — ответил он.

Божественный Наместник Бэймин? Все в мире знали о полководце из Цзиньлина, который был благословением для простого народа, словно феникс с могучими крыльями.

И в то же время в миру почитали божество, что несло небесную кару, словно призрачная петля для сбора душ.

Но этот собеседник назвал по имени именно гордость небес, что казалось весьма странным. Поэтому Вэнь Ланьшу спросил:

— Раз ты... знаком с Божественным Наместником Бэймин, позволь узнать, кто ты?

Услышав это, тот не дал ответа.

— Вы жили в разные эпохи, умерли в разные дни. Весь мир знает: когда божественные силы рассеялись, наступил век мира, и всё благодаря Божественному Наместнику Бэймин. Но ты... как ты мог быть знаком с ним? — вопрошал Вэнь Ланьшу.

Его дыхание на миг замерло, и вновь воцарилось долгое молчание.

Видя это, Вэнь Ланьшу вздохнул и произнес:

— Пожиратель Душ в мире людей — воплощение абсолютного мрака и разрушения, высшее зло трех миров, чья кара превосходит небесную, а закон сильнее божественного. Если Пожиратель Душ явится в мир смертных, это обернется величайшей бедой для всего живого, земля обратится в пепел.

Вэнь Ланьшу продолжил:

— Если кто-то узнает, чье тело занял Пожиратель Душ, и не уничтожит его, то станет вечным грешником перед лицом истории.

Услышав это, собеседник вдруг произнес:

— Разве те люди из Цзиньлина, движимые лишь собственным эгоизмом, преступив все законы, собрались вместе, чтобы собственноручно умертвить того, кто защищал их город, не заслуживали смерти?

Услышав такое, Вэнь Ланьшу невольно нахмурился и спросил:

— А знаешь ли ты, что тот, кто пытается обуздать Пожирателя Душ, в случае неудачи превратится в пыль, а в случае успеха — обречен на вечные муки?

Слова эти означали лишь одно: независимо от исхода, впереди ждали лишь вечные страдания.

— Жить в разные эпохи, умереть в разные дни... этот мир уже давно не стоит того.

— Сколько бы времени ни прошло, я буду ждать его здесь.

— Я готов обратиться здесь в мириады светлячков, пусть даже сгорит последний фитиль свечи, пусть даже я развеюсь прахом и обращусь в пыль.

— Я готов принять вечные муки.

— И никогда не раскаюсь.

Наступило утро.

Птичий щебет нарушил утреннюю тишину рассвета, солнце еще не успело подняться.

По привычке Вэнь Ланьшу мирно пробудился. Открыв глаза, он тут же устался на спящего А Чжана.

Он в ужасе подскочил, обнаружив, что полулежа прислонился прямо к плечу А Чжана. В мыслях пронеслось: вчера ведь еще переживал, что А Чжань непривычен к такому ночлегу, и лег к нему спиной, а сегодня чуть свет уже примостился на чужом плече! Тьфу, просто грех на душу, чистый грех! Скосив глаза, он невольно подумал, что А Чжань и впрямь невероятно красив — даже во сне его лицо выглядело потрясающе.

Хм... Вэнь Ланьшу быстро шлепнул себя по щекам: о чем это он думает?! Бросив еще один взгляд, он предельно осторожно и бесшумно сполз с кровати, натянул верхнюю одежду, обулся и выскользнул за дверь, приподняв полог занавески.

Масляный светильник уже погас, утренний свет пробивался внутрь лавки, освещая всё вокруг мягким полумраком. Лан Хуайцин примостился лицом на столе, задремав от усталости — судя по разложенным на поверхности пластырям и вороху разбросанных целебных трав, он проработал всю ночь. Повернув голову, он заметил на столе две пиалы, три фарфоровых блюда под крышками и записку.

Вэнь Ланьшу тихонько подошел и взял бумажку. Там было написано: Домашняя еда, надеюсь, уважаемые господа не станут брезговать. Открыв крышки, он увидел два блюда, тарелку с паровыми булочками и глиняный горшок с рисовой кашей. Проведя рукой по краю тарелки, он ощутил приятное тепло — судя по всему, Лан Хуайцин приготовил еду еще на рассвете, едва запели петухи.

В этот момент Вэнь Ланьшу почувствовал укол совести: они и так стеснили хозяина ночлегом, так тот еще и потратил силы на стряпню. И вправду грех.

Тут позади снова зашевелился дверной полог. Обернувшись, Вэнь Ланьшу увидел уже полностью одетого А Чжана.

Взглянув на него, а затем переводя взгляд на Лан Хуайцина, Вэнь Ланьшу машинально поднес указательный палец к губам и протяжно цыкнул:

— Тсс...

Это должно было означать, что шуметь не стоит, дабы не разбудить спящего. А Чжань сразу всё понял.

Бросив взгляд на Лан Хуайцина, который спал, уткнувшись лицом в согнутые в локтях руки на столе, А Чжань не стал ничего говорить. Он молча подошел к Вэнь Ланьшу, мельком взглянул на записку в его руках, легко улыбнулся и уселся за длинный табурет.

Судя по всему, этот завтрак был приготовлен для них двоих; если уйти, даже не притронувшись, это означало бы проявить неуважение к чужой заботе.

Вэнь Ланьшу закатал рукава, взял из-под рук А Чжаня пиалу, наложил ему кашу и поставил перед ним. Затем взял свою пиалу и налил себе — правда, у него каша вышла более жидкой, так как он зачерпнул наспех.

А Чжань бросил на него короткий взгляд, но ничего не сказал. Взяв палочки для еды, он подцепил паровую булочку и протянул ее Вэнь Ланьшу, словно в знак благодарности.

Обосновавшись напротив, Вэнь Ланьшу с мягкой улыбкой принял протянутую булочку.

Подняв глаза, он заметил, что хотя волосы А Чжаня были причесаны аккуратно, несколько коротких прядок упали на лоб, придавая ему забавно-наивный вид.

Словно почувствовав на себе взгляд Вэнь Ланьшу, А Чжань быстро провел рукой по лбу, будто желая скрыть что-то от посторонних глаз, и с легким смешком произнес:

— Раз братец Ланьшу так на меня смотрит, неужто А Чжань сегодня хуже, чем вчера?

Изящен в каждом движении, полон очарования. Всего одна легкомысленная фраза — и от прежней праздной стати не осталось и трети.

Вэнь Ланьшу на мгновение растерялся, не ожидая такого вопроса, и смущенно проговорил:

— А... нет, просто волосы... немного растрепались, — он указал на свой левый висок.

Услышав это, А Чжань протянул «о» и легко пригладил выбившиеся прядки. Затем опустил руку и неторопливо принялся за свою кашу, попивая ее маленькими глотками.

Пока он ел, Вэнь Ланьшу обратил внимание на его четко очерченные суставы пальцев и золотое кольцо на указательном пальце левой руки. Подняв взгляд, он спросил:

— А Чжань... у тебя плечо не болит?

А Чжань спокойно ответил:

— М? Нет.

— А спалось как? — поинтересовался Вэнь Ланьшу.

— Неплохо.

— О... — Вэнь Ланьшу тихо усмехнулся и уткнулся в свою булочку, продолжая есть.

Не успел он договорить, как улицу разорвал шум и гам, а затем кто-то забарабанил в дверь лавки.

Громкий крик гласил:

— Лекарь Лан! Лекарь Лан!! Человеку внезапно стало плохо, он умирает! Лекарь Лан!

Шум и суматоха разбудили Лан Хуайцина, дремавшего за стойкой. Стук в дверь не прекращался, и Вэнь Ланьшу поспешил отворить.

— Лекарь Лан, взгляните скорее... О, а вы кто?.. — человек, колотивший в дверь, внезапно опешил, увидев на пороге не того почтенного Гу Туна, к которому все привыкли, а незнакомца в невиданных одеждах.

Вэнь Ланьшу мягко улыбнулся и произвел:

— Моя фамилия Вэнь, я прибыл в эти края, чтобы усмирять нечисть.

Услышав это, посетитель сообразил, что перед ним бессмертный заклинатель, призванный изгнать зло, и радостно завопил:

— Ох, так вы почтенный заклинатель, прибывший избавить нас от напасти! Тогда... тогда помогите же нам, кажется, кто-то заболел странной болезнью!

Странная болезнь?

Пока Вэнь Ланьшу озадаченно раздумывал, проснувшийся Лан Хуайцин уже подошел к двери и спросил:

— Что случилось?

Увидев перед собой лекаря Лана, тот человек снова запричитал:

— Лекарь Лан, слава богу, вы здесь, пойдете взгляните! А Шу совсем плох!

— Что?! — Лан Хуайцин потрясенно замер и, забыв обо всем остальном, стремглав бросился наружу, а тот мужик припустил следом.

Вэнь Ланьшу переглянулся с А Чжанем — оба почувствовали неладное и тоже поспешили за ними.

Утро, должно было принести тишину и покой, но вместо этого было растревожено пугающей, смертельной болезнью, от которой травы трепетали на ветру, а в сердцах людей поселился липкий страх.

Вэнь Ланьшу и А Чжань бежали за Лан Хуайцином, выбежавшим из лавки. Вскоре они увидели, как вокруг небольшого глинобитного дома неподалеку столпилась шумная толпа зевак.

Кто-то из стоявших на краю толпы, завидев приближающегося лекаря, тут же взволнованно закричал:

— Лекарь Лан! Лекарь Лан! Поглядите скорее на брата А Шу!

Услышав это, люди обернулись и увидели самого уважаемого лекаря в округе вместе с двумя незнакомыми юношами.

— Лекарь Лан идет, лекарь Лан!

— Лекарь Лан, подойдите скорее, ай, А Шу...

Толпа немного расступилась, образуя проход. Лан Хуайцин быстро шагнул вперед и привычным движением принялся проверять пульс лежавшего на земле мужчины. Вэнь Ланьшу и А Чжань следовали за ним по пятам и, заглянув через плечо, увидели распростертого на земле молодого человека.

Лицо мужчины было серого, мертвецкого оттенка, глаза плотно закрыты, глазницы глубоко западали и почернели, и даже сквозь сомкнутые веки Вэнь Ланьшу заметил: глазных яблок у него больше не было.

При этом его губы непрерывно шевелились, будто он что-то бормотал.

— Когда это обнаружилось? — спросил проверявший пульс Лан Хуайцин.

Стоявшая неподалеку деревенская женщина ответила:

— Сегодня чуть свет, едва петухи прокричали, я, как обычно, решила отнести А Шу миску рисовой каши. Трижды постучала в порог — в ответ тишина. Подумав, что А Шу хворает уже давно, и испереживавшись, не случилось ли чего, я толкнула дверь... И увидела вот это, лекарь Лан.

— Верно, всё так, как говорит матушка Чжан, — подтвердил тот самый мужик, что звал лекаря. — Я как раз проходил мимо дома А Шу и застал именно то, о чем она говорит, после чего сразу бросился за вами, лекарь Лан.

Стоя позади Лан Хуайцина, А Чжань и Вэнь Ланьшу пристально всматривались в происходящее. Они заметили, что хотя лицо лежавшего человека выражало смерть, а сам он лежал на боку, одет он был аккуратно и чисто... в нем совершенно не было заметно следов агонии или судорог во время приступа.

Неожиданно человек на земле резко распахнул глаза. Из черных пустых глазниц брызнули пугающие капли крови; он взмахнул рукой, метнувшись к стоявшему ближе всех человеку, широко разинул рот и хрипло, страшно завыл:

— Ааа! Демоница! Это демон-женщина!

Внезапность происходящего заставила всех содрогнуться.

— Что происходит?!

— Аааа!

— Призрачная... Призрачная Гуаньинь вселилась в него...

Все в ужасе ахнули, сердца подкатили к горлу. И пока мертвец вновь забился в конвульсиях, Вэнь Ланьшу молниеносно припечатал к его лбу заклинание, тем самым усмирив его бешеные метания.

Такое пугающее «оживление мертвеца» перепугало всех сельчан до полусмерти; даже выдавший виды лекарь Лан отшатнулся назад и рухнул на землю.

Толпа то бросалась врассыпную, то снова сбивалась в кучу, а Вэнь Ланьшу, на которого до этого никто не обращал внимания, вдруг заслужил всеобщее восхищение. Кто-то робко спросил:

— Скажите, из каких краев прибыли столь искушенные в даосизме высокие наставники?

Вэнь Ланьшу на мгновение растерялся, переглянулся с А Чжанем и Лан Хуайцином, а затем с абсолютно серьезным видом произвел:

— На самом деле... мы ученики Обители Мэньюань в Ланьси, прибыли сюда специально, чтобы изгнать нечисть.

Сказал он это с невозмутимой улыбкой, прекрасно понимая, что бессовестно врет.

— Так вы заклинатели из Ланьси! Простите, что не вышли встретить должным образом! — подал голос восьмидесятилетний деревенский староста. — Заклинатели из Ланьси прибыли! Значит, наша деревня Наньпин спасена!

Вэнь Ланьшу: ??

— И правда, какое счастье! Наконец-то прибыли заклинатели!

— Эти господа-заклинатели из Ланьси наверняка невероятно сильны!

— Точно-точно!

А Чжань:

Услышав это, Лан Хуайцин поднялся на ноги, сложил руки в приветственном жесте и произвел:

— Оказывается, это заклинатели из Ланьси, прошу простить за мое пренебрежение. Но нынешняя чума свирепствует вовсю, молю вас, помогите нашему селению.

С этими словами он отступил на шаг, давая Вэнь Ланьшу возможность осмотреть состояние А Шу.

Получив такую просьбу, Вэнь Ланьшу кивнул и подошел ближе. Спасать людей и приносить благополучие миру — извечный долг каждого адепта Пути. Присев на корточки перед А Шу, Вэнь Ланьшу стал внимательно осматривать его и действительно заметил: одежда на пострадавшем сидела безупречно, даже пояс был аккуратно завязан, воротник чистой белой одежды поднят, рукава застегнуты на запястьях... Если не считать того, что это была загадочная болезнь, ниспосланная Призрачной Гуаньинь, даже обычный больной редко стал бы так тщательно одеваться перед тем, как лечь в постель.

Талисманы, которые Вэнь Ланьшу в спешке наклеил на лицо А Шу, скрывали его черты. Теперь он достал еще один талисман и прилепил его парню на спину, а когда потянулся снять бумажку с лица, случайно заметил на шее А Шу странную полосу.

— Это... — Вэнь Ланьшу протянул руку и слегка отодвинул воротник. То, что открылось его взору на шее мужчины, повергло всех в еще больший шок.

— Ох... — толпа снова ахнула. Некоторые женщины испуганно прикрыли рты руками, боясь издать крик.

Отодвинув воротник, Вэнь Ланьшу увидел вокруг шеи ровную линию разреза, словно голову отрубили, а затем мастерски пришили обратно.

Выходило, что голова этого бедняги была давным-давно снесена острым оружием, а если тело и выглядело целым, то лишь благодаря какому-то искусному искусству сращивания костей. Пораженный догадкой, Вэнь Ланьшу приподнял рукава и штанины А Шу. И впрямь: все конечности были сначала отрублены, а затем тщательно присоединены на место...

Вглядевшись в детали, Вэнь Ланьшу пробормотал себе под нос:

— Эти раны... — он пристально уставился на след от клинка на шее: — Если бы голову свернул

злой дух, срезанный край не мог быть столь ровным. Скорее уж...

— Сделано человеческой рукой.

В этот момент стоявший позади А Чжань неожиданно подал голос, и всего одна его фраза в точности отразила собственные подозрения Вэнь Ланьшу.

Вэнь Ланьшу бросил на А Чжаня взгляд и произвел:

— Совершенно верно. К тому же, судя по столь безупречной работе, преступник промышляет этим уже давно. Но остается загадкой — кто же пришил все эти части тела на место?..

<http://bllate.org/book/19318/1889651>